

де последнего электорального цикла, так и на предстоящих выборах стратегии региональной идентичности оказываются востребованными лишь там, где и в период между выборами региональными правящими группами проводилась целенаправленная стратегия «символического менеджмента» в политике региональной идентичности. В этих случаях для региональных элит выборы становятся еще одной возможностью актуализации региональной идентичности и на внутреннем, и на внешнем политическом рынке.

Станет ли политика региональной идентичности в России лишь эпизодом ее политической истории 1990—начала 2000-х гг. или она имеет более глубокие основания и долгосрочные последствия? Дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня невозможно. Но на наш взгляд, сегодняшние тенденции в развитии страны препятствуют тому, чтобы эта политика заняла значимое место в политической повестке дня российских регионов. Речь идет не только о стратегиях Центра, связанных с продвижением общероссийской идентичности на региональные рынки символической продукции. Не менее важен и аспект политики региональной идентичности, связанный с институциональным строительством. Такие шаги Центра, как законодательный запрет на создание региональных политических партий, меры по укреплению общероссийских партий в регионах (предоставление им половины мест в региональных парламентах), манипуляции электоральным расписанием (совмещение по времени региональных и федеральных выборов), законодательная унификация разграничения полномочий Центра и регионов. Все это заметно ограничивает шансы на использование политики региональной идентичности в арсенале средств региональных политических акторов. У них остается все меньше стимулов к тому, чтобы «транслировать» региональную идентичность в политическую повестку дня своих регионов и отношений с Центром. Более того, институциональный дизайн, который Центр успешно навязывает регионам, препятствует становлению организационных механизмов преемственности политики региональной идентичности. Исходя из этих теоретических ожиданий, можно сделать вывод о том, что дальнейшее развитие этих тенденций приведет к маргинализации стратегий региональной идентичности. Разумеется, в отдельных регионах России в силу их географического положения и/или экономических особенностей (например, Калининградская область, Сахалин) либо этнических проблем (ряд российских республик), эти аспекты и далее будут играть немалую роль

в их политическом развитии. Но в целом о политике региональной идентичности как о значимом явлении в политической жизни России в обозримом будущем можно будет говорить лишь *ad hoc* и *ad hominem*. Собственно, в этом нас убеждает и представленный выше анализ как «широкого», так и «узкого» аспектов политики региональной идентичности. Если даже в 1990-е гг., когда институциональная среда была весьма благоприятной для становления политики региональной идентичности, ее место на внутренних и внешних политических рынках оказалось достаточно скромным, а случаи успеха — относительно редкими и ограниченными, то что же можно говорить о ней в куда менее благоприятных условиях?

М. М. Соколов

ТЕАТР ПРЕВРАЩЕНИЙ: АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО РАДИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

С начала Перестройки, когда националистические организации получили возможность начать открытую пропаганду своих взглядов, русское радикально-националистическое движение (далее — РРНД) пережило ряд существенных изменений. За эти годы можно было наблюдать последовательное возникновение нескольких типов организаций, отличавшихся составом, идеологией и паттернами коллективных действий. Несмотря на широко развернувшуюся дискуссию о «русском фашизме», до сих пор природа различий между этими волнами радикально-националистического протеста не была объяснена, как не были объяснены и факторы, которые обусловили подъем и спад каждой из них в отдельности. В этом тексте делается попытка представить интерпретацию эволюции РРНД в рамках теории Пьера Бурдьё. Используемые в ней эмпирические данные получены в ходе исследования самопредставлений праворадикальных организаций, проводившегося в 1999—2002 гг.¹ В начале

¹ В данном исследовании понятия «правый радикализм» и «радикальный национализм» используются как взаимозаменяемые. В случае с ними, как и со всеми прочими терминами, идентифицирующими движение в целом и его составные части, я стремился употреблять эмические обозначения везде, где это оказывалось возможным. Термин «праворадикальный» в документах движения встречается относительно редко, однако, его введение было необходимо, чтобы избежать бесконечных повторений словосочетания «радикально-националистический».

статьи находится краткий обзор эволюции движения, в котром особое внимание уделяется описанию организаций, являющихся наиболее типичными представителями двух типов — Русского Национального Единства (РНЕ) и Национал-Большевистской партии (НБП). Далее обсуждаются теоретические основания предлагаемой интерпретации, и, наконец, в последней части, предлагается объяснение практик и различий в траекториях развития организаций, представляющих разные сегменты РРНД.

ЭВОЛЮЦИЯ РРНД

Первые подпольные радикально-националистические организации в Советском Союзе возникли в конце 50-х гг. [Верховский и Прибыловский 1997; Лакер 1994; Митрохин 2002]. К началу 1980-х гг. существовала уже обширная сеть групп, объединявших сторонников РРНД (часто вполне легально функционировавших в качестве «культурно-исторических клубов»), и изданий, таких, как «Молодая гвардия», на страницах которых они могли достаточно свободно выражать свои взгляды. Наибольшую известность среди появившихся тогда ассоциаций националистов получила возникшая в 1982 группа, называвшаяся «Память». В 1984 г. в ее ряды вступил молодой фотограф Дмитрий Васильев, благодаря которому в последующие несколько лет «Память» превратилась в самую важную русскую националистическую организацию. В 1986—1988 гг. «Память», Васильев и его единомышленники оказались в фокусе общественного внимания благодаря выступлениям, в ходе которых, вероятно, впервые в советской истории, политические деятели публично идентифицировали себя как русских националистов, не прибегая к обязательным в предыдущий период ссылкам на марксизм¹.

«Память» сыграла роль не только как организация, впервые обнародовавшая радикально-националистическую идеологию, но и как кузница кадров, через которую прошли многие лидеры русских правых радикалов. Кроме самого Васильева, в ней в разное время участвовали Александр Баркашов, Гейдар Джемаль, Александр Дугин, Константин Касимовский, Николай Лысенко, Алексей Смир-

¹ Наибольшую известность получили митинги «Памяти» в Румянцевском саду в Ленинграде летом 1988 года. Сами митинги и все связанные с ними события очень хорошо описаны в сборнике «Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки» [«Национальная правая», 1992].

нов-Осташвили, Александр Штильмарк — большая часть всех самых известных впоследствии радикальных националистов. Однако в 1987—1990 гг. «Память» пережила ряд расколов, превратившись в результате в малочисленную группу, которой она остается и поныне. Несмотря на конфликт с прежним руководством, большая часть отделившихся от «Памяти» Васильева групп отличалась от нее очень мало, почти в точности воспроизводя ее идеологию, символику, организационную структуру и коллективные действия. Единственным важным исключением из этого правила была самая значительная из организаций-наследниц «Памяти», Русское Национальное Единство.

РНЕ возникло после того, как заместитель Васильева Александр Баркашов, руководивший силовыми подразделениями «Памяти», в начале 1990-х гг. поссорился со своим начальником и вышел из нее вместе с несколькими десятками сторонников. РНЕ отличалось от «Памяти» и прочих организаций, возникших в предшествующий период, совершенно новым паттерном коллективных действий [Лихачев и Прибыловский 1997; Лихачев 2002; Shenfield 2001]. В противовес «Памяти», навсегда сохранившей черты дискуссионного клуба, РНЕ с самого начала имитировало структуру военного подразделения. Все его члены носили одинаковую черную униформу и проводили много времени за строевой подготовкой и упражнениями в стрельбе. Его излюбленными коллективными действиями были не собрания и дискуссии, а марши и патрулирования улиц в качестве дружинников (иногда — совместные с милицией). РНЕ контролировало разветвленную сеть охранных фирм, в которых работали его члены. Слабые стороны «Памяти» состояли в том, что она не обладала сколько-нибудь значительным независимым источником финансирования и могла предложить своим членам лишь способ проведения досуга, но не обучение или профессиональную занятость, как могло РНЕ¹. Наконец, РНЕ использовало символику, непосредственно ассоциирующуюся с нацистской (например,

¹ Как отмечает Вячеслав Лихачев, РНЕ стремилось полностью замкнуть на себе жизненные циклы своих сторонников, которым часто приходилось даже жить в походах на казарму помещенных, снятых организацией [Лихачев 2002: 11—16]. Единственным пробелом в деятельности РНЕ, в этом смысле, было почти полное отсутствие женщин, которые не принимались в организацию на ранних этапах ее существования, и позднее никогда не составляли заметной доли ее членов.

эмблему организации Коловрат — свастику, вписанную в восьмилучевую звезду — и приветствия правой рукой с открытой ладонью), чего «Память» никогда не делала. Те данные, которые существуют по поводу состава сторонников РНЕ, свидетельствуют о том, что его ядром были военные и сотрудники правоохранительных органов, бывшие и действительные.

РНЕ было самой успешной националистической организацией из числа тех, которые возникли в 1990—1992 гг., однако, во многих отношениях она была похожа на своих менее удачливых конкурентов. Сходный паттерн коллективных действий и шире, политический стиль, демонстрировали многие другие, менее известные организации, например, обе Русские партии (Милосердова и Бондарика) и обе Русские Национально-Республиканские партии (Лысенко и Беляева). Так же, как и РНЕ, они были структурированы по образу и подобию армии или милиции, и тратили значительную часть времени на военную подготовку своих членов. Так же, как и РНЕ, они совмещали политическую деятельность с коммерческой, открывая охранные предприятия. И, наконец, так же, как и члены РНЕ, их участники были вовлечены во множество уголовных процессов по обвинениям в связанных с насилием преступлениях, таких, как заказные убийства, вооруженные ограбления и торговля оружием.

В этом и во многих других отношениях РНЕ и прочие типологически сходные с ней группы отличались от второй крупнейшей националистической организации — Национал-Большевистской партии (НБП). НБП возникла в 1994 г., после того, как двое из ее будущих лидеров, Александр Дугин и Эдуард Лимонов, потерпели неудачу в создании широкой коалиции радикальной оппозиции, которая должна была включить самые разные группы, от сталинистской РКРП Анпилова до РНЕ Баркашова. НБП отличалась от возникших ранее организаций как составом, так и идеологией и паттерном коллективных действий. Большинство в НБП составляли молодые люди из трех крупнейших мегаполисов — Москвы, Петербурга и Новосибирска (оплотом РНЕ были небольшие города Ставропольского и Краснодарского краев, Воронежская и Московская области), студенты и молодые профессионалы (в РНЕ владельцы высшего образования были относительно редким явлением) [Лихачев 2002; Топорова 1999; Shenfield 2001]. Тексты НБП практически не содержали антисемитских построений, которые были характерны для организаций тех типов, которые представляли «Па-

мять» и РНЕ. Наоборот, лидеры НБП неизменно отзывались о традиционном антисемитизме с глубоким презрением [например, Лимонов 1998: 41—47]. Основным объектом их критики оказывалась западная буржуазная цивилизация, либерализм, капитализм и массовая культура — но не этнические и религиозные меньшинства, как в случае с РНЕ и близкими к ней организациями [Лихачев 1999].

Самыми важными из способов, которыми организация сообщала о себе потенциальным сторонникам, были, во-первых, публикации Дугина и Лимонова, прежде всего, в газете «Лимонка», которая вообще играла роль стержня партийной жизни, и, во-вторых, театрализованные акции, неизменно привлекавшие внимание СМИ. К числу самых известных из таких акций принадлежал захват крейсера «Аврора» (март 1997), забрасывание яйцами режиссера Никиты Михалкова (март 1999), захват башни Клуба моряков в Севастополе (август 1999) и собора Святого Петра в Риге (ноябрь 2000). СМИ, комментировавшие эти события, выражали к ним достаточно двойственное отношение. Если РНЕ недвусмысленно воспринималось большинством журналистов как проявление «коричневой угрозы», то к акциям НБП они, как правило, относились очень снисходительно, если не сочувственно.

20 апреля 1995 г. произошел первый из громких инцидентов, который ознаменовал появление на российской праворадикальной сцене новых действующих лиц — представителей субкультуры скинхедов. В петербургском метро группа бритоголовых молодых людей в куртках «бомбер», узких закатанных джинсах и высоких шнурованных ботинках напали на молодого азербайджанца и отрезали ему часть уха, выкрикивая нацистские лозунги. Этот инцидент широко обсуждался в региональной прессе, но, после того, как скинхеды во главе с Артемом Талакиным оказались на скамье подсудимых, страсти на некоторое время утихли [Лихачев 2002]. Однако три года спустя эта история получила продолжение, после которого ее нельзя уже было рассматривать как случайный эксцесс. В апреле 1998 г. скинхеды начали в Москве кампанию ежедневных нападений на темнокожих студентов, опять же, приуроченную ко дню рождения Адольфа Гитлера. После этого каждые несколько месяцев происходили новые громкие случаи избиений и погромов, следовавших, преимущественно, одному и тому же шаблону — внезапные нападения групп на тех, чей внешний вид выдавал принад-

лежность к иной этнической группе, субкультуре, социальному слою, политическому движению или просто группе болельщиков другой спортивной команды. Наибольшую известность получило избиение Семеном Токмаковым охранника американского посольства Уильяма Джефферсона летом 1998 г., погромы в Савелово, Ясенево и Царицыно соответственно в 1999, 2000 и 2001 гг. и беспорядки на Манежной площади в июне 2002 г. Однако все эти эпизоды были лишь небольшой частью насилия, в которое были вовлечены скинхеды по всей стране.

Как видно из этого перечисления, наиболее сильна субкультура скинхедов в Москве и ее окрестностях, но их много и в региональных городах. Большинство среди них составляют подростки и молодые мужчины от 15 до 25 лет, школьники, учащиеся ПТУ, молодые неквалифицированные рабочие и безработные, часто малообразованные и имеющие низкие доходы¹. Охарактеризовать идеологию скинхедов представляется достаточно трудной задачей. Несмотря на то, что существует несколько текстов, претендующих на ее изложение (самый известный из них — «Азбука славянских бритоголовых»²), судя по всему, подавляющее большинство идентифицирующих себя со скинхедами никогда их не читало. Скинхеды представлены несколькими организациями, такими, как «Русская цель» Семена Токмакова и московское отделение международной «Blood and Honor». Тем не менее, подавляющее большинство из них не принадлежит к какой-либо из групп со строгой иерархией и жестким членством. Социальная организация в их среде более типична для молодежной субкультуры, чем для «классического» социального движения, и представляет собой социальные сети, регулируемые множеством неформальных лидеров, и более-менее структурирующиеся вокруг деятельности нескольких музыкальных групп (таких, как «Коловрат») и связанных с ними мероприятий. Скинхеды не проводят митингов или демонстраций, так что увидеть многих из них вместе можно или на концерте, или на футбольном матче.

¹ Существующие данные о составе скинхедов предельно фрагментарны. Одно из немногих исследований, на которые я ориентировался, проведено среди самарских школьников [«Самарский...», 2002].

² Мне неизвестно, был ли этот текст опубликован в каком-либо печатном издании, но его можно легко найти в Интернете. Например, на странице Prosvet13.narod.ru/lib.htm.

Самыми значительными тенденциями в развитии РРНД в конце 1990-х гг. был, с одной стороны, постепенный рост числа скинхедов, с другой — расколы, которые пережили РНЕ, НБП и другие крупнейшие националистические организации, возникшие в предыдущий период. В 1998 г. НБП покинул один из ее отцов-основателей Александр Дугин и группа его сторонников, самым известным из которых был бывший лидер московских анархистов Алексей Цветков. Раскол произошел поздней весной, а уже к концу 1998 г. Дугин занял пост руководителя Центра геополитических экспертиз и Экспертно-консультативного совета по проблемам национальной безопасности при председателе Госдумы Селезневе, в дальнейшем претендуя также на роль главного идеолога возглавляемого Селезневым «леводемократического движения «Россия».

В конце 1998 г. началась очередная кампания СМИ, направленная против РНЕ и «фашистской угрозы». РНЕ должно было провести съезд в декабре, который позволил бы его кандидатам баллотироваться на выборах в Госдуму в следующем году. Однако правительство Москвы во главе с мэром Юрием Лужковым в последний момент запретило проведение съезда, и в следующие несколько месяцев РНЕ во многих регионах, прежде всего, в Москве и Петербурге, подвергалось давлению со стороны властей, запрещавших все его мероприятия. Наиболее тяжелым было, по всей видимости, внезапное прекращение кампании в mass media, которые после начала марта 1999 г. на протяжении многих месяцев не передали ни одного истерического сообщения о росте числа сторонников РНЕ и исходящей от них угрозе (до того несколько месяцев подряд подобные новости появлялись почти ежедневно)¹.

В сентябре 2000 г. РНЕ развалилось на три большие части — «Русское Возрождение» Олега Кассина, взявшее курс на полную политическую легализацию своей деятельности и вскоре исчезнув-

¹ Быстрый рост числа сторонников Баркашова (как и скинхедов несколько лет спустя) совпадал с кампаниями «моральной паники» по их поводу в СМИ. Закат РНЕ последовал после того, как эти кампании прекратились. Результаты массовых опросов подтверждают эти выводы. По данным фонда «Общественное мнение», из 63% респондентов, что-то знавших об РНЕ, 59% были осведомлены о нем исключительно благодаря электронным СМИ. По данным ВЦИОМ, в период последней и наиболее ожесточенной кампании против РНЕ, наибольшая часть сочувствовавших этой организации смотрела передачи канала НТВ (игравшего в этой кампании основную роль), а наименьшая — РТР, который был менее всего активен.

шее, «Гвардию Баркашова» с центром в Москве, и РНЕ братьев Лалочкиных с центром в Воронеже, объединившее значительную часть региональных организаций. Процесс дробления, однако, на этом не остановился, и вскоре из трех фрагментов образовалось пять. При этом, связи со многими региональными организациями были просто утеряны, так что даже все вместе эти группы не могли сравниться с прежним РНЕ. Лидеры в начале пытались договориться друг с другом, но вскоре их конфликт разросся до такой степени, что сделал какие бы то ни было переговоры невозможными. В 2001 г. в Петербурге между сторонниками Лалочкиных и Баркашова произошло несколько драк, одна из которых имела место во время богослужения в Александро-Невской лавре. Нечто подобное происходило, в то же время, во многих других местах.

Кризис произошел не только в РНЕ. Другие группы, принадлежащие к тому же военизированному типу, также постепенно оказывались во все более глубоком упадке. Некоторые из их лидеров искали возможности сотрудничества с государственным аппаратом, соглашаясь ради него отказаться от большей части своего радикализма. Примером подобной эволюции может служить история Саратовской организации РНЕ. В Саратове члены РНЕ вошли в Совет при мэре города и получили возможность участвовать в охране порядка в городе в обмен на многочисленные заявления регионально-го лидера Григория Трофимчука о том, что его группа отрицает всяческую этническую и религиозную дискриминацию и готова принять в свои ряды мусульман и евреев. Фактически, Трофимчук утверждал, что и те и другие уже давно состоят в ней.

Другой стратегией, использованной частью лидеров радикальных националистов, известных с начала 1990-х гг. (Константин Касимовский, Александр Иванов-Сухаревский и Юрий Беляев), была попытка найти поддержку для своих групп в среде скинхедов, численность которых быстро растет. Несколько коалиций такого рода были созданы. Так, например, один из самых известных московских скинхедов Семен Токмаков провозгласил в 2000 г. свою группу «Русская цель» молодежной организацией Народно-Национальной партии Иванова-Сухаревского, а популярная в соответствующей среде музыкальная группа «Коловрат» использовала символику РНЕ и заявляла о своих симпатиях к Баркашову. Также на сторонников из числа скинхедов переориентировался бывший лидер

Санкт-Петербургской организации НБП Андрей Гребнев, вошедший в новую «Партию свободы» Юрия Беляева.

В отличие от РНЕ и подобных ей организаций, НБП, несмотря на расколы, пока не обнаружила явных свидетельств спада. Организационные трудности, с которыми партия столкнулась, когда ее лидер, Эдуард Лимонов, в апреле 2001 г. оказался в тюрьме по обвинению в подготовке вооруженного восстания, не помешали увеличению ее интеллектуального влияния. Первые несколько лет своего существования НБП оставалось единственной организацией, использующей «Новую правую», «традиционалистскую» и «консервативно-революционную» риторику, восходящую к Элиаде, Эволе и Генону. В последние годы, однако, появилось много групп, заимствовавших ее, так же, как и отдельные элементы репертуара коллективных действий НБП, причем многие из них даже не идентифицируют себя с радикально-националистическим движением. Идеологи «Новых правых» (например, Дугин и Джемаль) превратились в уважаемых экспертов и политических комментаторов, выступающих на телевидении наравне с ведущими социальными исследователями.

Мы видели, что радикально-националистические организации подразделяются на несколько типов, различающихся как идеологией, так и тем, какие коллективные действия они предпочитают. Мы видели также, что развитие групп, представляющих каждый из этих типов, происходит неодинаково — какие-то типы явно находятся на спаде, в то время, как другие — так же очевидно, переживают подъем. В следующем разделе мы рассмотрим подходы к построению классификации групп, представляющих РРНД, а также сравним некоторые возможные объяснения их эволюции.

ПОКОЛЕНИЯ ИЛИ СЕГМЕНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В то время, как внутренняя дифференциация РРНД была достаточно очевидной, построение работающей классификации националистических организаций и объяснение природы различий между их типами оказалось непростой задачей. Первые типологии сортировали их преимущественно по принципу следования какой-либо идеологии. Вячеслав Лихачев, делающий обзор такого рода типологий, перечисляет классификации по степени радикальности

